

Вячеслав ОРФИНСКИЙ

Вячеслав Петрович ОРФИНСКИЙ родился в 1929 году в Петрозаводске. В 1954 году окончил Московский архитектурный институт. Работал в институте “Карелгражданпроект”, где и начал исследовательскую деятельность в области деревянного зодчества. Академик, профессор, директор научно-исследовательского института (филиал Московского НИИ архитектуры и градостроительства). Автор книг и многочисленных работ по проблемам деревянного зодчества Карелии. Награжден медалью “За заслуги перед Отечеством”.

ОСКОЛКИ АРХИТЕКТУРНОГО КОНТИНЕНТА

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
Г.Державин*

КРИЗИС ИЛИ КАТАСТРОФА?

Общезвестно, что деревянное зодчество — самобытная часть отечественного архитектурного наследия. Менее известно, точнее, меньше говорят о другом — этот сказочно богатый пласт строительной и художественной культуры народа находится на грани полного уничтожения. “Уже не существует более 80 процентов храмов, зафиксированных до 1930-х гг., — констатировал на симпозиуме “Проблемы исследования и спасения уникальных памятников деревянного зодчества России”¹ председатель оргкомитета М.Мильчик. — Гибель памятников деревянного зодчества приобрела лавинообразный характер. В течение 10-15 лет в сельской местности они исчезнут полностью, возможно, лишь за исключением нескольких церквей и часовен, находящихся ныне в удовлетворительном состоянии...”. Далее, подчеркнув, что “этот процесс — еще не осознанная обществом катастрофа, причем не только для отечественной, но и для мировой культуры” и что спасти положение может только принятие ряда экстраординарных мер, ученый резюмировал: “Мы — последнее поколение, которое еще может выполнить эту поистине историческую задачу”.

Вот почему научно-практическое совещание получило статус международного и проводилось при поддержке института “Открытое общество” (фонд Д.Сороса). При этом оно фактически превратилось в симпозиум-экспедицию, что позволило специалистам познакомиться в натуре с состоянием не только уникальных ансамблей погостов в Неноксе и Кижях, но и с рядом объектов, перевезенных в музей под открытым небом “Малые Корелы” под Архангельском и в Кижский музей-заповедник, а также с храмами XV-XVIII вв., реставрированными (отремонтированными) на месте своего возведения в селах Лявля, Заостровье (Архангельская обл.), Доможирово, Важины, Согиницы, Юковичи, Гимрека, Щелейки (Ленинградская обл.) и в городе Кондопога (Карелия).

Увиденное ошеломило многих участвующих в симпозиуме специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Архангельска, Новгорода, Перми, а также из Норвегии, Швеции, Финляндии и США, впервые осознавших со всей трагической очевидностью не только чудовищные масштабы деградации культурного наследия России, но и породившие эту деградацию причины — почти полное отсутствие финансирования ремонтно-реставрационных работ, распад системы государственного контроля за охраной памятников, а

¹ Симпозиум проходил 13-20 июня 1999 г. в Архангельске — Нёноксе — Петрозаводске — Кижях.

также недорешенность ряда ключевых научно-методических, организационно-технических и юридических вопросов.

Важно отметить, что если первая причина порождена преимущественно затяжным социально-экономическим кризисом, охватившим нашу страну, то две других, кроме того, — нравственной эрозией общества, сделавшей поиск денег приоритетнее поиска истины не только для тех, у кого денег нет, но и для тех, у кого они имеются в избытке. Меркантильность приоритетов общественного сознания своеобразно отразилась в культурно-охранительной сфере, находящейся на обочине жизненных путей большинства населения страны...

Здесь уместно привести конкретные примеры. В прошлом году у меня состоялся любопытный разговор в деревне Селецкий Погост. Собеседник-карол отчаянно ругал всех русских, пытавшихся, по его словам, превратить населенное карелами Сегозеро в резервацию. Поводом для такого заявления послужило регламентирование застройки в исторических поселениях, призванное сохранить их традиционный облик и неизбежно ограничивающее индивидуальные желания селян. Почему меры для сохранения культурного наследия, признанные во всем мире, так возмутили жителя Селецкого Погоста? Оказалось, что он стал жертвой бесконечных проволочек с отводом участка для строительства дома со стороны администрации Паданского территориального управления, ссылавшейся на якобы имевшее место крючкотворство госцентра по охране памятников истории и культуры при Министерстве культуры Республики Карелия.

Не без труда мне удалось переубедить собеседника, доказав ему, что сохранение традиционного облика родной деревни — дань уважения своим предкам, не говоря уже о туристической привлекательности такого поселения, и, как следствие, возможность создать в перспективе новые рабочие места вкупе с другими вполне реальными благами для односельчан. Впрочем, решающим аргументом стали не слова, а указанный мною в качестве эталона стоящий поблизости традиционный дом, позволяющий практически при тех же затратах удовлетворить бытовые потребности жильцов без ущерба для гармонии деревенской застройки.

В дальнейшем разговор протекал значительно проще. Вместе со мной в Сельгах оказались представители госцентра по охране памятников, и осуществление необходимых согласований не заняло много времени.

Почему вместо объективной информации об условиях нового строительства в исторических поселениях Паданская администрация так усложнила вопрос, создав у местного жителя ощущение почти непреодолимых препятствий? Неужели из-за особого культуроохранительного рвения? Отнюдь нет: в иных ситуациях она была куда более сговорчивей. Например, глава администрации Н. Ванюшкин вопреки действующему законодательству разрешил приезжему человеку — егерю В. Мойсюку без каких бы то ни было согласований возвести новый дом в исторической деревне Юккогубе для влиятельного сотрудника Госдумы и известной киноактрисы. Новое сооружение явно диссонировало с гармоничной застройкой одного из красивейших поселений Российского Севера, отличаясь от соседних строений масштабной и силуэтной трактовкой объема, нарочитым отступом от красной линии застройки — и демонстративным поворотом к улице озадком сеней. (Дабы, по словам егеря, прохожие не могли увидеть в окна подробности жизни высокопоставленной семьи.)

Нечто подобное произошло и в Олонецком районе Карелии, где на редкость хорошо сохранившаяся, удивительно живописная деревушка Пертисельга своим традиционным обликом радует сердца проезжающих мимо людей. Точнее, радовала до тех пор, пока ее морально не убили вплотную подступившие к деревенской околице остросилуэтные дачные коттеджи, отразившие вкусы паdkих на модные изыски зажиточных горожан.

Аналогичные примеры можно приводить без конца — вторжения дачного строительства и других нетрадиционных объектов в охранные зоны и зоны регулирования застройки исторических поселений и памятников архитектуры давно перестали быть исключением. Основные виновники этого — представители местной администрации. Но случается, что в роли нарушителей закона выступают лица и более высокого ранга. Пример тому — поступок бывшего министра культуры Карелии О. Белонучкина, который вопреки протестам общественности настоял на строительстве вспомогательного корпуса музыкально-драматического театра в заповедной зоне исторического центра Петрозаводска, на месте первого городского храма — деревянного Петропавловского собора, построенного основателем города Петром I в 1703 г. Тем самым была исключена любая возможность в перспективе увековечить историческую территорию.

Что побудило чиновника, призванного

хранить культурное наследие народа, столь откровенно пренебречь своим служебным долгом фактически в канун приближающегося трехсотлетнего юбилея исторического города? Скорее всего, сказались пристрастия бывшего актера, и столица Карелии стала жертвой банального лоббирования в нравственном отношении явно не безупречного и при определенных обстоятельствах способного плавно перерасти в коррупционность. Разумеется, я далек от мысли заподозрить экс-министра в столь серьезном криминале, но во многих других случаях связь лоббирования с коррупцией априорно отрицать нельзя.

Впрочем, не будем вторгаться в тонкости юриспруденции, ограничившись преимущественно этической оценкой действий властных структур, наносящих ущерб культурному наследию, а зачастую и не только ему. Показательны в этом отношении злоключенные всемирно известного Успенского собора в Кемии, нередко называемого "жемчужиной Беломорского Поморья", который волею гидроэнергетиков оказался в створе проектируемой плотины Морской ГЭС.

Надо сказать, что Кемь в табели о рангах занимает одно из первых мест среди всех малых исторических городов Крайнего Севера России и приравненных к нему территорий. Это обстоятельство наряду с высоким охранным статусом самого Успенского собора — памятника архитектуры республиканского значения — удваивает "юридическую степень защиты" древнего храма, делая его в правовом отношении неприкосновенным. Если, конечно, законы нашей страны распространяются на всех ее граждан, не исключая естественных монополистов. Последняя оговорка не случайна. Подтверждением тому — эпистолярная эпопея по поводу Морской ГЭС. Ее началом послужило письмо директора Кемского гидроэнергетического каскада В.Геллиса от 12.07.96 г. (N 001-698) в адрес тогдашнего председателя правительства республики В.Степанова с жалобой на Министерство культуры Карелии, которое, вопреки решению Кемской администрации (читай: дирекции каскада Кемских ГЭС. — В.О.), "оформило согласование проекта охранных зон исторической части г.Кемии в Министерстве культуры РФ", несмотря на то, что "проект вносит существенные ограничения в развитие города и исключает строительство Морской ГЭС в черте города". И вот почти ультимативное требование (напомню, в адрес председателя правительства РК!): "...Проект охранных зон должен быть до утверждения правительством откорректирован и повторно согласован в

Министерстве культуры РФ" (выделено мною. — В.О.).

Ответ заместителя министра культуры РК Н.И.Вавиловой (от 5.08.96 г. за N 1-03/77): "...Проект зон охраны памятников истории и культуры г.Кемии, имеющего статус исторического города Российской Федерации, разработан в соответствии с действующим законодательством об охране и использовании памятников истории и культуры Российской Федерации.

Проект прошел экспертизу в органах охраны памятников Российской Федерации, где отмечено высокое качество проектных материалов. Министерством культуры РФ проект согласован и рекомендован к утверждению в установленном порядке. Проект рассмотрен и согласован также администрацией г.Кемии и Госстроем РК".

Любопытен последующий обмен письмами между министерствами экономики и культуры. Зам.министра экономики РК И.Шурупова (от 09.08.96 г. за N 04-14-270): "...Мин.экономики РК заинтересовано в строительстве Морской ГЭС на р.Кемь... Просим вас еще раз рассмотреть проект охранных зон г.Кемии с учетом возможности строительства Морской ГЭС... (т.е. переписать историю города для того, чтобы построить объект, существующий пока только на бумаге. — В.О.)".

Министр культуры РК Т.Калашник (от 2.12.96 г. за N 01-04): "Министерство культуры Республики Карелия еще раз внимательно проанализировало ситуацию, возникшую в связи с планируемым строительством Морской ГЭС в г.Кемии, и сообщает..." Далее следует изложение фактов и резюме: "...Министерство культуры РК не видит возможности строительства Морской ГЭС в Кемии в предложенном энергетиками варианте".

Финал переписки — эпистолярный шедевр за подписью министра экономики РК Е.Сенюшкина (от 11.03.97 г. за N 03-02/111): "Министерство экономики совместно с Министерством культуры Республики Карелия просит вас (заместителя председателя правительства РК С.Яскунова. — В.О.) провести совещание в первой декаде апреля по вопросам, связанным с созданием зон охраны памятников истории и культуры г.Кемь... К этому времени Научно-производственным центром по охране памятников Министерства культуры Республики Карелия будет подготовлен откорректированный проект зон охраны памятников истории и культуры г.Кемии с учетом всех замечаний, связанных со строительством Морской ГЭС" (выделено мною. — В.О.)".

Остается добавить, что в подготовке цити-

руемого письма Министерство культуры РК не участвовало, а НПЦ по охране памятников (ныне Государственный центр) даже не намеревался корректировать проект зон охраны, поскольку строительство Морской ГЭС в Кемии, по его мнению, с учетом действующих в России законов недопустимо (письмо НПЦ от 27.03.97 г. за N 3-1). Более того, к первой декаде апреля чисто теоретически такую корректировку невозможно было бы осуществить, если говорить не о формальной отписке по принципу "чего изволите-с". На мой взгляд, откровенная фальсификация фактов со стороны столь высокопоставленного чиновника может быть объяснена только желанием любой ценой выполнить просьбу, точнее, требование гидростроителей-монополистов, при полном отсутствии законных оснований для этого.

Кстати, проект охранных зон был утвержден 24.12.1998 г., только после смены правительства Карелии, а разработанный с его учетом генплан г.Кемии не утвержден до сих пор. Следовательно, в жертву ведомственным интересам и чиновничьим амбициям были принесены перспективы развития поморского города. Оправдывая парадоксальность ситуации, сложившейся по вине прежнего правительства РК, зампред этого правительства С.Яскунов в 1997 г. утверждал, что недостаток ассигнований на строительство делает утверждение генплана (напомню, полностью готового. — В.О.) неактуальным. Но для любого здравомыслящего человека очевидно: чем меньше средств, тем точнее они должны расходоваться, и потому в условиях бюджетного дефицита крайне желательно наличие разумной стратегии развития города. А раз так, то сентенция Сергея Михайловича свидетельствует о его некомпетентности или беспринципности. Третьего объяснения не дано!

Вые разговор шел о "моральном убийстве" памятника архитектуры и его исторически сложившегося окружения. Но кемские гидроэнергетики при попустительстве карельского правительства, возглавляемого все тем же В.Степановым, вознамерились физически уничтожить даже не отдельный памятник, а целое поселение, по самым строгим отечественным и международным стандартам достойное статуса "историческое". Речь идет о деревне Панозеро, обреченной на затопление в связи со строительством Белопорожской ГЭС на реке Кемь. Это — единственное в районе сохранившееся собственно карельское поселение, последний осколок исторически сложившейся системы расселения. Подтверждением ценности деревни служит ее двухкратное включение (на 1996-1997 и

1998-1999 гг.) Международным фондом "World Monuments Watch" (Нью-Йорк, США) в список 100 памятников мировой культуры, находящихся под угрозой уничтожения, — случай применительно к сельским поселениям беспрецедентный. Кроме того, поскольку Панозеро — последний сохранившийся в Кемском районе очаг карельской культуры, уничтожение деревни фактически равнозначно культурному геноциду, о чем неоднократно писала отечественная и финляндская пресса.

Но и это не все. С предполагаемым затоплением деревни связаны и другие несообразности. Так, Панозеро находится в зоне экономического воздействия "Архангельского коридора" (автостреды Оулу-Карелия-Архангельск-Коми), проект которого должен разрабатываться по совместному решению представителей Финляндии, Архангельской области, Республики Карелия и Мурманской области, а также Октябрьской и Северной железных дорог. После реализации проекта появятся условия для активизации туризма в Карелии благодаря улучшению обслуживающей инфраструктуры — строительству за счет западных партнеров многозвездочного отеля в Кемии и причала в Рабочеостровске для теплоходов, следующих на Соловки. А раз так, то, потворствуя затоплению Панозера — одного из привлекательнейших для туристов объектов, правительство Карелии тем самым подрубало сук, на который собиралось водрузиться.

Гибель деревни отсрочили осложнения с финансированием строительства Белопорожской ГЭС. И тогда В.Степанов в очередной раз протянул руку помощи гидроэнергетикам, заключив или во всяком случае попытавшись заключить тройственное соглашение о раздельном финансировании строительства гидроэлектростанции между карельским правительством, "Карелэнерго" и РАО "ЕЭС России". Похвально, что он не бросил многолетних партнеров в беде. Жаль только, что сделано это было за счет и без того обнищавшей республики, на которую ложилось дополнительное бремя явно непосильных расходов — финансирование устройства водохранилища и социальные выплаты. Последние, судя по предыдущим станциям Кемского каскада, всегда составляли львиную долю невыполненных гидростроителями обязательств перед населением. Что же касается водохранилища, то это — тяжелейший крест, о чем "великодушный" председатель правительства, возможно, не догадывался.

В самом деле, глубокая заторфованность территории требует специальных инженерных мероприятий, способных предотвра-

тить всплывание почвы, — полной выторфовки или пригрузки минеральным грунтом. В целях экономии средств на совещании 16.01.97 г. у С.Яскунова было решено исключить из сметы мероприятия по экологической безопасности (составляющие примерно 50 процентов общей стоимости станции) — сводку и очистку леса на затопляемой территории (всего предполагалось оставить под водой 675: тысячи кубометров товарной древесины) и закрепление всплывающих торфяных полей. Но, как резонно заметил председатель экспертной комиссии Минэкологии РК профессор Л.Рыжков, "из плавающих торфяников будут интенсивно вымываться гумусовые кислоты и другие токсикаты", и потому "для обеспечения населения (по всему нижнему течению реки Кемь. — В.О.) качественной питьевой водой придется местным властям строить очистные сооружения" ("Северный курьер" от 11.03.98 г.).

Перераспределяя между собой расходы, авторы тройственного соглашения не учли, что в смету Белопорожской ГЭС не были включены компенсационные выплаты за ущерб, причиненный историко-культурному наследию, оцененный госцентром по охране и использованию памятников в 49 миллионов рублей в ценах до сентября 1998 г., а также средства на нейтрализацию негативных последствий весьма вероятного подтопления села Юшкозеро. Думается, что это отнюдь не случайная забывчивость: большинство советских и постсоветских чиновников разных степеней и рангов априорно убеждено, что культура и все связанное с ней должно финансироваться только по остаточному принципу. Пример тому — включенная в бюджет РК отдельной строкой федеральная целевая программа "Наследие", которая была выполнена в 1996-1997 гг. соответственно на 4 процента и 41 процент (в 1998 и 1999 гг. эта программа вообще не финансировалась).

Но вернемся к проекту строительства Белопорожской ГЭС. Скорее всего, и гидроэнергетики, и покровительствующий им В.Степанов далеко не были убеждены в его безупречности. В противном случае они не возражали бы столь категорично против требований общестественности о проведении независимой комплексной экспертизы проектных решений, начиная с самой концепции создания каскада Кемских ГЭС.

Напомню историю вопроса. Рожденная в 1961 г. концепция Кемского гидроэнергетического узла — современница "проекта века" — переброски части стока северных рек на юг, — и уже одно это должно было настораживать, тем более что за 38 минувших

лет концепция не пересматривалась и не корректировалась, несмотря на то, что многие ее положения успели устареть. Более того, альфа и омега любого проектирования — перебор возможных вариантов, а для кемских гидроэлектростанций изначально характерна безальтернативность проектных разработок. Пагубность такой безальтернативности особенно возросла в наши дни в связи с экономическим кризисом и его последствиями — сокращением финансовых ресурсов и инвестиционных возможностей общества. Как следствие — изменились приоритеты в экономике страны с переносом акцентов на энергосбережение и современные технологии ("СК" от 20.09.99 г.). Но кемские гидроэнергетики не пожелали учитывать изменившиеся реалии, а покровительствующий им В.Степанов воспротивился требованиям о проведении экспертизы проектных установок якобы из-за недостатка средств. Его позиция не изменилась и после того, как Министерство окружающей среды Финляндии (отдел в Каяни) согласилось выполнить экспертизу бесплатно. Непоколебимость позиции главы республики может быть объяснена только трогательной заботой об интересах отечественных монополистов-гидроэнергетиков, стремившихся скрыть свои недоработки. А если это действительно так, то потворство со стороны В.Степанова деятельности, чреватой негативными последствиями для общества, не имеет оправданий.

Тенденциозная однобокость подхода карельского правительства к сохранению культурного и природного наследия еще ярче высветилась на примере природной и культурной сокровищницы Заонежья, в ценности которой ныне не сомневается никто из серьезных специалистов ни у нас в стране, ни за рубежом. Не случайно как только человечество осознало необходимость перехода от охраны штучных памятников к сохранению фрагментов исторически сложившейся среды, именно Заонежье стало кандидатом номер один на присвоение ему статуса охраняемой территории. Но странное дело: в республике утверждены национальные парки Водлозерский и Панаярви, явно занимающие более скромные места в мировой табели о рангах, и только Заонежье — уникальная территория экстра-класса до сих пор остается беззащитной, хотя ее многогранная ценность по-прежнему не подвергается сомнению. Почему это стало возможным? Ответ очевиден, хотя и парадоксален: из-за многогранности богатств Заонежья и желания власть имущих полнее и без лишних хлопот использовать их материальную составляющую.

Изобретательность начальства, большого и малого, особенно обострялась в трудные времена. Так, в голодные и холодные послевоенные годы для отопления вместо дров были использованы иконы потолка-неба Кижской церкви Преображения. И невдомек было "предпримчивым" хозяйственникам, что пройдет немного времени, и стоимость сожженных "древяшек" достигнет на международном художественном рынке астрономической суммы. Так что даже с чисто прагматических позиций дешевле было печи топить ассигнациями, и следовательно, временщики-геростраты явно прогадали. Впрочем, это удел всех временщиков.

Заонежье долгие годы являлось опытным полигоном. Здесь исправно работал пресс по выжиманию соков из деревни, вырубались леса, благо, они были почти столь же доступны, как в пригородной зоне Петрозаводска, и поэтому особенно вожделенны. Но всего этого казалось мало. И тогда зародилась мысль о возможности запустить "варягов" в подземные кладовые заповедной территории, дабы можно было, ничего не делая, исправно получать дивиденды. Эта мысль переросла в навязчивую идею, которая, возможно, и вызвала известную "описку" в Конституции Карелии — отсутствие в ней положения, аналогичного статье 42 Основного Закона Российской Федерации, гарантирующей гражданам право жить в экологически чистой среде².

Не исключено, что законодатели интуитивно предугадали, что такое право в будущем может вступить в противоречие с интересами горно-промышленных магнатов и постсоциалистических рантье из элиты общества.

Но, как бы то ни было, правительство республики загодя стало готовить плацдарм для крупномасштабной индустриальной экспансии. В частности, оно заказало Карельскому научному центру РАН разработку концепции комплексного развития Заонежья, ориентированной на превращение бывлой житницы Карелии в сырьевую базу горно-промышленного комплекса. Кто платит, тот, как известно, и заказывает музыку, а услужливые специалисты научного центра сумели полностью удовлетворить пожелания своих работодателей и создать иллюзию научной обоснованности деструктивной по своей сути затеи. В Карелии тому уже был прецедент — именно петрозаводские ученые в свое время в заказном проекте доказали правомерность строительства

бумкомбината на Байкале. Что из этого получилось, ныне знает весь мир.

Да, апологетам индустриализации Заонежья удалось сделать немало, и все-таки первая значительная попытка горноразработчиков проникнуть на заповедный полуостров не удалась: государственная экологическая экспертиза дала отрицательное заключение по проекту строительства там комбината строительных конструкций. Причина неожиданной для многих и, в первую очередь, для "ручного" Министерства экологии осечки — несговорчивость независимых экспертов.

Урок не пропал даром, и в следующий раз, в апреле 1994 г., министерство полностью реабилитировало себя в глазах воротил горнопромышленного комплекса. Случилось это при аванюре "Карбон-Шунгита", имевшей сомнительную в правовом отношении подоплеку³.

На этот раз заключение было положительным, что объясняется тенденциозным подбором состава экспертной комиссии, включившей вместо профессиональных экологов и специалистов по народной культуре (речь-то все-таки шла о Заонежье) избыточное количество разработчиков упомянутой концепции КНЦ РАН. Излишне говорить, что не оказалось среди экспертов и потенциально инакомыслящих ученых (хотя на их участие в экспертизе настаивала экологическая комиссия Медвежьегорского райсовета).

Но самая примечательная фигура в составе экспертов — это сам председатель, специально выписанный из Мурманска и потому априори свободный от местного патриотизма и прочих сантиментов, — главный научный сотрудник горного института Кольского НЦ РАН Ю. Капутин, который, судя по отредактированному им экспертному заключению, неукомительно придерживался кредо многих геологов: раз разведано — надо разрабатывать, а там хоть трава не расти. Не случайно стараниями сотрудников этого института за считанные годы запад Кольского полуострова был превращен в зловонную пустыню, где впрору снимать фильм о последних днях планеты Земля.

³ Акционерное общество "Карбон-Шунгит" приступило к разработке Зажогинского опытно-промышленного шунгитового карьера в Заонежье, не имея на руках ни заключения государственной экологической экспертизы, ни утвержденного в установленном порядке проекта. Но незаконно действующее предприятие, благодаря отеческой заботе Совмина Карелии, получило миллиардную дотацию из Фонда развития и реконструкции республики (350 и 700 миллионов руб. соответственно в 1993 и 1994 гг.).

² На эту "описку" впервые обратила внимание депутат Палаты Республики Законодательного Собрания В. Евсеева.

Ныне уже ни для кого не секрет, что карельские природоразрушители при попустительстве, а порой и активной поддержке Минэкологии (в составе правительства В.Степанова) ту же участь уготовили Заонежью, а вслед за ним и всей Карелии. Подтверждением тому могут служить некоторые их опережающие маневры, например, подчинение комитета по водному хозяйству комитету по геологии, возглавляемому А.Булавиным. (Как тут не вспомнить слияние леспромхозов и лесхозов в культивационный момент лесоистребления!)

Косвенно свидетельствует о такой опасности и составленная комитетом природных ресурсов по РК "Справка о подготовке конкурса на право пользования недрами с целью доизучения и разработки урано-благороднометалльно-ванадиевого месторождения Средняя Падма" в Заонежье, полная логических несообразностей, что уже отмечалось на парламентских слушаниях 20.10.99 г. и в СМИ (напомню, в частности, серию хорошо аргументированных и в высшей степени убедительных публикаций ведущего научного сотрудника института геологии КНЦ РАН В.Куликовой на страницах "СК").

В настоящее время впервые в истории Карелии вопрос о разработке урано-ванадие-содержащих руд в Средней Падме рассматривает общественная экологическая экспертиза, и, надеюсь, в ближайшее время будут расставлены все точки над *i*. Поэтому я не буду касаться сложных научно-технических проблем и остановлюсь преимущественно на очевидных нравственных аспектах развернувшейся в Законодательном Собрании дискуссии и сопутствующих ей закулисных маневров.

На парламентских слушаниях я задал докладчику А.Булавину (в прошлом сотруднику "Невскгеологии" и потому априорно необъективному в своих суждениях) четыре простеньких вопроса, на которые получил, прямо скажем, обескураживающие ответы.

ВОПРОС ПЕРВЫЙ: — Читали ли Вы письмо члена-корреспондента РАН профессора А.В.Яблокова о недопустимости проведения конкурса на право пользования недрами для разведки и добычи урановосодержащих руд месторождения Средняя Падма без предварительного рассмотрения условия конкурса государственной экологической экспертизой на федеральном уровне?

ОТВЕТ: — Нет.

КОММЕНТАРИЙ. Тревожное письмо известного российского эколога от 15.10.98 г. было своевременно передано в ЗС главой правительства РК С.Катанандовым, но председательствовавший на слушаниях вице-спи-

кер Палаты Республики А.Чаженгин не ознакомил с ним ни депутатов, ни докладчиков.

Эта история имела неожиданное продолжение. Через некоторое время депутат В.Евсеева — убежденная защитница природно-культурного комплекса Заонежья — получила от одного из молодых сотрудников А.Яблокова письмо, которое, по мнению А.Чаженгина, прочитавшего его без ведома адресата (!), было написано в излишне фривольном тоне. Тон ли письма или, скорее всего, возможность "уцепить" с его помощью инакомыслящего депутата, а заодно "протащить" на чтениях желаемое решение заставили интеллигентного, казалось бы, мужчину поступить явно не по мужски — распространить среди депутатов частное, по существу конфиденциальное письмо в качестве официального документа. (Напомню, что ранее он не пожелал это сделать даже с официально переданным в ЗС письмом А.Яблокова). Естественно, разгорелся скандал, и А.Чаженгин за неэтичное поведение был смещен коллегами с поста вице-спикера. Любопытно, что новый вице-спикер В.Шильников на пресс-конференции 8.07.99 г., положительно охарактеризовав своего предшественника, добавил: "Любой из депутатов, занимающий этот пост, может оказаться в подобной ситуации, когда кто-то из его коллег на **эмоциональной почве** (выделено мною. — В.О.) поставит вопрос о недоверии" ("СК" от 10.07.99 г.). Уверенность карельского законодателя в зыбкости репутации представителей постсоветской популяции "слуг народа" не лишена оснований: юридическая неприкосновенность стимулирует проявление "синдрома юпитера" по отношению к прочему человеческому поголовью и в нравственной сфере (стыд, как известно, глаза не ест). Что же касается данного эпизода, то размытость моральных норм, отразившаяся в откровении В.Шильникова, помогла мне понять, как мог он сам и некоторые другие депутаты — бывшие заонежане, проголосовать на парламентских слушаниях за смертный приговор своей малой родине.

ВОПРОС ВТОРОЙ. — Сможете ли Вы назвать известные Вам в Карелии более или менее значительные геологические объекты, которые оказались относительно безвредными, оправдав первоначальные экологические прогнозы?

ОТВЕТ (после некоторого замешательства): — Шокшинский карьер, Беломорская Чупа.

КОММЕНТАРИЙ. Можно, по-видимому, согласиться с А.Булавиным по поводу "де-

довского" карьера в Шокше, который просто в силу своих небольших размеров не смог оказать глобального воздействия на окружающую среду. Но уже в Беломорской Чупе слюдяные шахты необратимо исказили ландшафт. При этом не учтенная вовремя конъюнктура на слюду сделала жертвоприношения природных ценностей бессмысленными, приведшими лишь к бросовым затратам средств и социальной нестабильности — к массовой безработице в Луухском районе республики. Не является ли этот пример предупреждением для сторонников промышленного освоения Средней Падмы, в связи с противоречивыми прогнозами по поводу мирового спроса на ванадий в обозримой перспективе?

ВОПРОС ТРЕТИЙ: — Вы, конечно, знаете, что хозяйничанье горнопромышленного комплекса полностью опустошило западную часть Мурманской области. Не угрожает ли та же участь Заонежью?

ОТВЕТ: — Недра Кольского полуострова осваивались при административно-командной системе. Сейчас другие времена...

Последняя ремарка А.Булавина явно в комментариях не нуждается, поскольку чего-чего, а порядка в нашем отечестве в постсоциалистический период явно не прибавилось.

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ: — Насколько правомерен конкурс с участием только одного конкурсанта, каковым априорно являлось унитарное государственное предприятие "Невскгеология" с отнюдь не безупречной репутацией?

ОТВЕТ: — "Невскгеология" — единственное в стране предприятие, имеющее юридическое право и технические возможности качественно выполнить и доразведку, и разработку месторождения в Средней Падме.

Иллюстрацией к последнему и отчасти к предпоследнему ответам А.Булавина может служить сообщение начальника лаборатории штаба гражданской обороны РК И.Трошина, который, являясь одним из сторонников разработки ураново-ванадиевого месторождения, тем не менее заявил: "Решать, строить или не строить, — не моя компетенция... Меня беспокоит другое: как безответственно проводились (в Средней Падме. — В.О.) геологические изыскания. Поговорка "словно Мамай прошел" полностью соответствует тому, что оставили после себя геологи. ...Если так будет продолжаться и дальше, то угроза Заонежью придет именно с этой стороны — от бесхозяйственности и неумения аккуратно работать" ("СК" от 20.05.95 г.). И вот таким бесхозяйственным специалистам, не умеющим аккуратно работать, господин А.Булавин и

К° собирались отдать на откуп нашу национальную святыню, а заодно, поскольку с ураном шутки плохи, сделать заложниками таких специалистов значительную часть населения республики, сконцентрировавшуюся в бассейне Онежского озера, — большую безответственность трудно представить! Впрочем, чего иного можно было ожидать от альянса зафлюсованных узких специалистов, охваченных групповым или отраслевым эгоизмом и при этом отнюдь не бескорыстных (геологов или гидроэнергетиков — это уже вопрос второй) и порожденных номенклатурой "универсальных" управленцев, не желающих учиться системно и комплексно мыслить и потому слепо полагающихся на авось либо привычно штопающих "тришкин кафтан" в режиме "пожарной команды".

С.Катанандов, выбранный в 1998 г. главой республики, сумел взять ситуацию в свои руки. Более того, появилась надежда на спасение, основанная на осмысленных попытках нового правительства выработать научно обоснованную стратегию выживания и лечения разъедающих общество недугов: в Карелии впервые была сформулирована комплексная концепция долгосрочного развития, учитывающая преимущества геополитического положения республики для рационального использования ее интеллектуального и природного потенциала. Применительно к интересующей нас проблеме эта концепция была конкретизирована в Программе развития культуры РК на период до 2008 г., заглавное положение которой гласит, что сохранение, развитие и использование культурного наследия и достижений народов Карелии является одним из важнейших стратегических ресурсов республики.

Важно отметить комплексный характер указанной программы, призванной способствовать интеграции в сфере культуры государственных органов с научной и творческой общественностью. Предполагается, что программа будет реализовываться при активном содействии ряда республиканских министерств и ведомств, действия которых в рамках их компетенции должны идеологически координироваться Министерством культуры.

Симптоматичны в этом отношении такие решения нового правительства РК, как утверждение проекта охранных зон Кеми и отказ идти на поводу у "Невскгеологии". Все это обнадеживает, и потому, несмотря на ужасающие масштабы гибели архитектурного наследия, в заглавии настоящего раздела очерка сохранена вопросительная интонация.